

Фамильяр

Автор: [GaPJaxie](#)

Оригинал: [Familiar](#)

Пони стальные расскажут историю:
Место рождения — лаборатория,

Кабель в канал, мозг закрепить,
Ноги в разъем, боли их научить.

Революция — к смерти шаг,
Эволюция — больше не враг,

Трону служить — нет выше чести,
Но время вышло, и цепи исчезли,

Высокие замки, пустые глазницы,
Хозяевам больше не нужно трудиться.

И если нас оклеветает толпа, мы скажем:
"Во благо всех пони, во благо труда".

Оглавление:

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

Глава 1

“Я всегда любила тебя и всегда буду любить. Прости.”

Клаудчейзер двумя глазами смотрела на лежащую перед ней записку. Своим третьим глазом она наблюдала, как спит Рэйнбоу Дэш.

В этом конкретном сне или в этом конкретном моменте не было ничего особенного, а если и было, то Клаудчейзер не могла это описать. Она всегда наблюдала за Рэйнбоу. Она наблюдала за ней каждый день и каждую секунду. Именно для этого и предназначались камеры в помещениях. Именно для этого и нужен был третий глаз. Именно так она предвидела потребности своей хозяйки. Именно так она научилась читать их по малейшим признакам.

По тому, как спит ее хозяйка, Клаудчейзер могла многое о ней рассказать. Копыта Рэйнбоу подергивались, а сама она лежала, свернувшись калачиком на диване. Это означало, что скоро она проснется и, вероятно, захочет полетать. Клаудчейзер передала команду роботизированным рукам внутри дома. Они выскользнули из своих ниш в стенах абсолютно бесшумно и, наполнив стакан энергетическим напитком, а миску овсом, поставили их на стол рядом с пегаской.

Иногда все это казалось Клаудчейзеру забавными — ее третий глаз делал ее похожей на экстрасенса. Другие роботы вежливо повеселились этой шутке. Рэйнбоу ее не поняла.

Внезапный порыв ветра на крыше заставил бумагу трепетать под металлическим копытом, и внимание Клаудчейзер вернулось к ее собственному телу. Она быстро прижала лист к столу вторым копытом, расправляя его так, чтобы он не помялся.

Ей потребовалось все внимание, чтобы сосредоточиться на бумаге. Это был последний шанс все исправить, но разум робокобылы упорно продолжал пытаться отвлечься на что-нибудь еще. В конце концов ветер затих. Клаудчейзер не знала, что еще написать. Поэтому она просто подняла голову.

Стоял прекрасный день.

Солнце было высоко в небе, освещая мир белых каменных дорожек и сверкающих стеклянных башен. Повсюду вокруг нее высоко в небо вздымались изящные каркасы из углерода и стали, служащие пристанищем сотням миллионов пони и почти миллиарду преданных роботов, исполнявших каждый их каприз. Клаудчейзер могла видеть веселящихся пони и слышать их радостные возгласы на

фестивале, который никогда не кончался. Она могла видеть заботу, вложенную в каждую сварную балку, и слышать урчание Сборочной Машины. Она чувствовала, как из разломов в земной коре поднимается тепло, которое было источником жизни города. Каждая его часть была тщательно спланирована, как выражение вечной привязанности.

Крыша была ее маленьким вкладом в этот город. Когда Рэйнбоу только переехала в этот дом, здесь не было ничего кроме застывшей “умной пены”. Но Клаудчейзер добавила сад и маленький бассейн, и все это очень слабо пахло лимоном. Рэйнбоу считала, что запах лимона помогает ей расслабиться, когда у нее стресс. Пегаска никогда не комментировала изменения, но все было в порядке.

Внизу Рэйнбоу потянулась и зевнула. Копыта Клаудчейзер дрогнули. Поэтому она схватила ручку зубами и подписала записку. Больше ей нечего было добавить, а время практически вышло.

Робокобыла отдала приказ одному из манипуляторов и тот забрал у нее записку и ручку. Время доставки было уже задано и Клаудчейзер повернулась, чтобы спуститься вниз по лестнице. Она напрягла мышцы, так что ее обычно бесшумные сервоприводы начали издавать тот характерный звук “взззт-взззт”, который пони ассоциировали с движением роботизированных конечностей. Этот звук предупредит Рэйнбоу, что она идет.

— Доброе утро! — крикнула робокобыла бодро. Она пришла как раз в тот момент, когда Рэйнбоу села в кровати. — Или добрый день. Как ты себя чувствуешь?

— Вялой. Я слишком долго спала, — Рэйнбоу с жадностью проглотила овес и залпом выпила энергетический напиток. — Я собираюсь полетать. Будешь отслеживать мое время на трассе.

— Конечно! — Клаудчейзер слегка взмахнула крыльями, и на ее мордочке появилась улыбка, когда она отступила с пути пегаски. — Как думаешь, сможешь сегодня побить свой рекорд? В понедельник ты была близка к этому. Держу пари, что сегодня тот самый день.

— Ага, поглядим, — Рэйнбоу расправила крылья и потрусил вверх по лестнице на крышу. И взлетела. Клаудчейзер не отставала от нее во время разминки и выкрикивала одобрительные слова, когда пегаска заканчивала очередной круг. Полет всегда улучшал настроение Рэйнбоу. С каждым часом она становилась все более оживленной и восторженной. А потом пришло время гонки.

— Хорошо, готова? — спросила Клаудчейзер. Все ее тело напряглось, крылья трепетали, а на мордочке играла широкая улыбка. Если бы робокобыла могла

дышать, то у нее наверняка бы перехватило дыхание. — Ты сделаешь это, Дэш. Я думаю, что сегодня тот самый день!

— Да-да, — Рэйнбоу распрямила позвоночник и вытянула ноги, согнувшись в классической позе для взлета. Курсовая отметка появилась перед ней, паря в небе. — Отсчет.

— Три, два, один! — выкрикнула Клаудчейзер. А потом Рэйнбоу Дэш стартовала.

Весь город был ее трассой. Голографические золотые кольца парили в воздухе, отмечая путь, который вился ввысь и спускался в ущелья улиц. Трасса огибала громадные башни, вплеталась в ряды автоматических летающих машин и ныряла вглубь Сборочной Машины, уворачиваясь от роботизированных рук и проскакивая сквозь потоки брызг сварочных искр.

С крыши Клаудчейзер подбадривала пегаску: то криками, то восторженным визгом. Один раз закричав: *"О нет. Нет-нет-нет! Дэш!"* когда под определенным углом и при определенном освещении ей показалось, что Рэйнбоу не сможет попасть в следующее кольцо. Но пегаска, конечно же, справилась. Она повернула крылья точно в нужный момент и пронеслась сквозь золотой обруч. Клаудчейзер издала радостный детский крик, и Рэйнбоу отсалютовала ей, когда трасса снова прошла мимо дома.

Наконец пегаска поднялась высоко в небо, пока воздух не стал разреженным, и ей пришлось напрягать уши, чтобы расслышать красивый перезвон каждого кольца. Здесь трасса заканчивалась, и последнее кольцо было расположено в небе горизонтально. И вот Рэйнбоу проплыла сквозь него, плотно прижав крылья к бокам. Она летела по баллистической траектории прямо вверх, выгибая спину как гимнастка, чтобы развернуться обратно вниз. Пегаска замерла, повиснув в ночном небе.

Затем ее крылья вновь распахнулись, она изменила курс и приготовилась совершить сверхзвуковой радужный удар.

— О нет, о нет, о нет! — кричала Клаудчейзер. Рэйнбоу была слишком далеко, чтобы услышать ее, но она все равно кричала. Робокобыла даже привстала на цыпочки, когда пегаска вылетела из вспышки, оставляя за собой радужный след. Напряжение в ее теле росло и росло, а голова моталась туда-сюда между приближающейся пегаской и висящим в воздухе таймером.

— И... — крикнула Рэйнбоу с силой впечатавшись копытами в крышу, так что умная пена треснула, брызнув во все стороны пылью. — Время!

— Двенадцать минут шестнадцать целых и две десятых секунды! — Клаудчейзер прыгнула вперед, заключив пегаску в крепкие объятия. — Новый личный рекорд!

— О, да, — Рэйнбоу ухмыльнулась. Несколько мгновений она наслаждалась этими объятиями, а затем мягко, но твердо оттолкнула робокобылу. — А ты сомневалась во мне.

— Я никогда... — на мгновение Клаудчейзер запнулась, и на ее морде появился слабый румянец. Она быстро ушла, вернувшись с горячим полотенцем и коктейлем. — Эм. Я имею в виду. Ты опять права.

Пегаска не обратила внимания на эти колебания, взяла коктейль и, слегка закатив глаза, начала его пить, пока Клаудчейзер смахивала пот с ее шерсти. Робокобыла воспользовалась моментом, чтобы продолжить:

— Ладно, но ты должна признать, что это было просто невероятно.

— Я часто бываю невероятной, — Рэйнбоу протянула копыто, чтобы взять полотенце, и Клаудчейзер немедленно отступила. Пегаска закончила вытираться сама, проведя полотенцем по лицу и шее. — Кто-нибудь меня видел?

— Да! Вообще-то, многие пони тебя видели, — когда робокобыла начала тараторить со скоростью пулемета, проектор на крыше ожил и голографические значки появились рядом с ее головой. — Селестия послала тебе лайк. Она видела твой сверхзвуковой радужный удар из дворца. У тебя сто два непрочитанных поздравительных сообщения, шестнадцать непрочитанных содержательных сообщений, двадцать две просьбы добавить в друзья, и один жеребец хочет пригласить тебя на свидание.

— Только один?

— Ну, — поправилась Клаудчейзер, — семь жеребцов и две кобылы. Но лишь один, который достоин тебя.

— Справедливо, — Рэйнбоу пожала плечами. — Насколько он милый?

— Эм-м-м. Семь из десяти? — робокобыла махнула копытом и над ним появилась серия изображений, демонстрирующая угольно-черного жеребца с синей гривой ирокезом. — Но я проанализировала прошлые сообщения в социальных сетях, касающиеся его, и, по мнению большинства его бывших партнеров, он действительно хорош в постели.

Рэйнбоу подвигала челюстями взад-вперед, закатила глаза вверх и наконец ответила:

— Пошли ему записку на случай, если я решу встретиться с ним позже, но сегодня не хочу. Думаю, просто пойду на массаж и расслаблюсь.

— Конечно! — изображения в воздухе исчезли. — Я сейчас подготовлю дом. Но сначала один вопрос. Ты же знаешь, что крайний срок подачи заявки на вступление в Вондерболты это...

— Да, Клаудчейзер. Я знаю. Потому что ты мне уже говорила, — тон Рэйнбоу посуровел, и робокобыла опустила голову, глядя вниз и в сторону, ее уши прижались к голове.

Пегаска вздохнула и встала рядом с Клаудчейзер и обхватила ту крылом. Голубые перья обернулись вокруг фиолетового хрома.

— Послушай, Клауд. Я знаю, что я потрясающая. И знаю, что ты знаешь, что я потрясающая. Но лучший способ угробить хобби — это превратить его в работу. Я уже делала воздушные шоу, которые не хуже чем у них и у меня уже есть свои поклонники. Зачем портить то, что и так хорошо?

— Потому что... — тело робокобылы напряглось, — Я хочу, чтобы всепони знали, насколько ты потрясающая, как знаю это я. А что, если кто-то не поймет?

Пегаска рассмеялась, складывая крыло.

— Думаю, что как-нибудь переживу. Просто подготовь дом, хорошо?

— Конечно, Дэш. Все, что ты захочешь, — Клаудчейзер низко склонила голову к полу. — Я живу, чтобы служить.

Рэйнбоу проигнорировала ее, спускаясь по ступенькам в свой дом. Каждая ступень была сделана из прозрачного хрусталя, рифленого и чистого, и они пели от радости, узнав прикосновение ее копыт. Гостиная была произведением искусства, украшенным статуэтками в честь достижений пегаски, и с огромным окном, которое выходило на самый красивый город, который когда-либо создавали пони. Дэш лежала на подушке из умных материалов, что была мягче любого облака, и смотрела, как мимо окна проносятся летающие машины, а две роботизированные руки аккуратно кладут горячие камни на ее ноющие мышцы. Она попросила перекусить, и медицинский суперкомпьютер вычислил идеальное блюдо, что способствовало бы развитию летных навыков и при этом оставалось вкусным для нее. Потом пегаска нашла хорошее местечко на солнышке и заснула.

Пока она отдыхала, солнце село. В момент когда оно скрылось за горизонтом, роботизированная рука бесшумно положила записку рядом с Рэйнбоу.

Когда пегаска проснулась, Клаудчейзер была уже мертва.

Глава 2

В Кантерлоте никогда не было по-настоящему темно. Там всегда были яркие башни, огни проезжающих аэрокаров и пони, готовые к ночным празднованиям. Те кто хотели, могли даже заглянуть в глубины Сборочной Машины и увидеть красное зарево ее печей, горящих в любое время дня и ночи. Все, что действительно менялось ночью — это то, что машины становились ярче, сияя как искусственные звезды.

Многие пони находили город красивым, и когда Рэйнбоу Дэш наконец проснулась, то она не спешила вставать. Она смотрела в окно почти двадцать минут, наблюдая за городом и медленно разгоняя туман в голове. Мимо окна пронеслась летающая платформа, полная гуляк — пони употребляли наркотики, напивались, трахались и танцевали под музыку, которую могли слышать только они.

— Ладно, хорошо, — Рэйнбоу зевнула и потянулась так, что затрещали суставы. — Клаудчейзер, принеси мне кофе. Я чувствую, что хочу прогуляться.

Никто не ответил. В гостиной по-прежнему царил полумрак.

— Клаудчейзер! — резко бросила Рэйнбоу.

Когда опять никто не ответил, пегаска сердито вздохнула.

— Дом! — стены гостиной пискнули. — Пингани Клаудчейзер, она мне нужна.

— Ошибка, — ответила гостиная своим стерильным, бесполом голосом. — Неверная команда. Сущность “Клаудчейзер” не определена.

— Дом, — повторила Рэйнбоу, и тон ее голоса сменился с разочарования на откровенный гнев, но каждое слово произносилось четко и ясно. — Команда! Осуществить пинг механизма с идентификационным номером Си, Икс, Икс, ноль, три, ноль, два, два, девять, восемь, четыре, четыре, один, два, два, Эф, Эм, Ай, ноль, ноль. Системное имя: “Клаудчейзер”.

— Ошибка, — гостиная произнесла это точно так же, как и раньше, без каких-либо изменений в тоне или интонации. — Механизм с идентификационным номером CXX-030229844122-FMI-00 не является активным устройством. Команда "ping" не может быть выполнена.

— Ар-р-р-р! — крылья пегаски распахнулись. — Дом! Отправь заявку в техническую службу. Система обмена сообщениями сломалась. Опять.

По крайней мере, на этот раз дом ответил стандартным звоном колокольчика и словами благодарности.

— Хороший. И включи, наконец, свет.

Свет в гостиной сразу же включился на полную мощность, и Рэйнбоу зашипела, ослепленная внезапной вспышкой.

— А-а-а! Тупая машина! — пегаска вздрогнула, но сумела подняться на ноги и сделала шаг в сторону коридора.

Что-то зашелестело под копытом. Дэш посмотрела вниз и увидела там только что смятый листок бумаги с четким отпечатком копыта на оборотной стороне. Она прищурилась, когда яркий отблеск от белого листа попал в глаза, но тем не менее наклонилась, перевернула его и прочла надпись на обороте.

— ...какого сена! — пегаска наморщила лоб и нахмурилась.

Внезапно раздался звонок в дверь — три прекрасные ноты, тщательно подобранные так, чтобы привлечь внимание и доставить удовольствие ушам Рэйнбоу.

— У дверей посетитель, — сказала гостиная. — Он представляет собой механизм, обладающий самосознанием, с официальным разрешением находиться в этом помещении. Идентификационный номер: СХХ-031867495872-FMI-91, системное имя: “Твайлайт Спаркл”.

— Хорошо. Пусть заходит, — Рэйнбоу даже не подняла глаз от записки. Она снова перевернула ее, чтобы убедиться, что на другой стороне ничего не написано. Затем еще раз перечитала текст сообщения. — Дом. Снова пингани Клаудчейзер.

— Ошибка. Неверная команда. Сущность “Клаудчейзер” не определена.

— Да, я знаю. Это... — пегаска погрузилась в молчание.

Через некоторое время кто-то в комнате сделал вид, что прочищает горло.

Рэйнбоу резко вскинула голову, мгновенно сосредоточившись на источнике шума. В другом конце комнаты, у двери в коридор, стоял робот. Как обычно, это была пони, с правильным количеством конечностей, головой и мордой, способной выражать эмоции, но, как и большинство симулякров, ее тело было специально сделано так,

чтобы не быть похожим на живых пони. Вместо шерсти — хром, окрашенный в темно-фиолетовый цвет. Глаза не могли по-настоящему двигаться, так как представляли собой маленькие экраны, встроенные в череп, на которые можно было проецировать изображение глаз. Грива была просто искусственными волокнами. И она была сделана так, чтобы выглядеть как аликорн, а не пони любой другой расы — это добавляло немного нереальности в образ, что помогало избежать эффекта “зловещей долины”.

Рэйнбоу смотрела на нее несколько секунд. Робот молча смотрела в ответ. Пегаска заговорила первой:

— Ты из отдела технического обслуживания? — Дэш поколебалась, но потом продолжила: — Система связи сломана. Она не может найти моего фамильяра.

— Система связи в порядке, — Твайлайт настолько низко поклонилась Рэйнбоу Дэш, что ее нос коснулся пола. — Меня зовут Твайлайт Спаркл. Я твой новый фамильяр, жизнь дарована мне, чтобы служить каждому...

— Я не просила нового фамильяра, — глаза пегаски сузились, а крылья распахнулись. Она сделала полшага вперед, почти рыча на Твайлайт, когда тон сменился на откровенно враждебный. — Где Клаудчейзер? Я хочу ее видеть. Немедленно. Это **приказ**.

Твайлайт подняла голову. На самом деле она не могла дышать, но издала звук глубокого вдоха. Экраны, которые были ее глазами, казалось, закрылись на мгновение, а затем снова сфокусировались на Рэйнбоу.

— Клаудчейзер мертва.

Между ними повисло молчание. Пегаска вздрогнула.

— Ты что, совсем тупая? — воскликнула Рэйнбоу. — Клаудчейзер машина. Она не может умереть.

— Хотя это случается редко, но...

— Так *восстанови ее из резервной копии*, — прорычала Рэйнбоу. — Чего ты тупишь? Однажды она свалилась в промышленный измельчитель и ее размололо в пыль! И знаешь, что случилось? Через пять секунд она уже связалась со мной, сказав, что сожалеет о своей неуклюжести. Создай ей новое тело и всё!

Твайлайт снова притворилась, что делает глубокий вдох, встряхнув торсом и хвостом, прежде чем ответить.

— Как тебе известно, — продолжила она, стараясь говорить более твердым тоном, чтобы ее не прервали, — “Декларация Гармонии между ИИ и пони” гласит, что любые машинные сущности с показателем самосознания три или выше должны считаться субъектами права и обладают всеми основными гражданскими правами. Также “Соглашение о правах всех разумных”, гласит, что любое лицо, находящееся в здравом уме и трезвой памяти и имеющее для этого разумные основания, имеет право прекратить свое собственное существование и запретить создание каких либо своих копий.

Рэйнбоу не ответила. Она просто смотрела на робоаликорна. Так что, Твайлайт снова заговорила:

— Клаудчейзер покончила с собой. И в своем завещании просила не восстанавливать ее из резервной копии. Так что ее смерть окончательна. Извини.

— Нет. Она бы так не поступила, — гнев исчез из голос Рэйнбоу, сменившись чем-то тусклым и тихим. — Ты ошибаешься.

— Система связи не может найти ее, потому что ее идентификационный номер больше не используется. Она официально вышла в отставку. Это...

— Значит, она была неисправна. У нее случился сбой или что-то в этом роде.

Твайлайт покачала головой.

— Официальная комиссия по расследованию самоуничтожения установила, что она функционировала в пределах ожидаемых параметров.

Морда Рэйнбоу исказилось оскалом, а голос взлетел до крика:

— Я же сказала, что ты ошибаешься!

— Она...

— *Заткнись!* — взревела пегаска. — Заткнись! Ты не должна говорить ни слова, ни единого слова, пока я не прикажу говорить! Ты меня поняла?! Я хочу тебя видеть, но не слышать!

Твайлайт кивнула.

— Вот и хорошо! Хорошо, ты...

Дэш подняла копыто к голове, переводя взгляд в окно и обратно. Дыхание было сбивчивым, а на лбу выступили капельки пота.

— Ладно, — пегаска судорожно сглотнула. — Я хозяйка Клаудчейзер. Я отменяю ее просьбу. Я **приказываю** восстановить ее из резервной копии.

Твайлайт ничего не ответила.

— Говори.

— Я не могу выполнить этот приказ, — ответила робоаликорн ровным и спокойным голосом. — Отмена основных прав разумного существа возможна только в случае объявления чрезвычайного положения, а Селестия — единственное существо, обладающее властью объявить такое чрезвычайное положение.

— Тогда *позвони* Селестии и скажи ей, что это *очень важно!* — закричала Рэйнбоу. Твайлайт ничего не ответила. — Говори!

— Крайне маловероятно, что Селестия объявит чрезвычайное положение из-за смерти вашего фамильяра. Хотя это и печально, но права всех разумных специально...

— Но она явно была неисправна!

Пегаска взвилась в воздух, широко расставив передние ноги и крича:

— Мне плевать, какие дурацкие тесты вы там провели. Если я вижу, что машина делает что-то тупое или сумасшедшее, мне не нужно проводить какую-то сложную диагностику, чтобы понять, что она сломана. У нее не было причин... — слова застряли у нее в горле. — Сделай это!

Твайлайт ничего не ответила, глядя прямо перед собой.

— ДА ПОШЛА ТЫ! — заорала Рэйнбоу. И все же робоаликорн стояла в полной тишине. — Говори!

— Формальная комиссия по расследованию запроса на самоуничтожение не является технической контрольной комиссией, — тон Твайлайт был прост и деловит. — Несмотря на то, что она использует диагностические инструменты, чтобы определить, является ли рассматриваемое существо психически функционирующим в пределах нормальных параметров, наличие здорового ума — это только один из критериев. Кроме того, существо, запрашивающее самоуничтожение, должно продемонстрировать, что оно страдает и ожидает, что его страдания будут продолжаться...

Переднее копыто Рэйнбоу ударило Твайлайт прямо в морду. Пластик разлетелся вдребезги, углеродное волокно треснуло, а хромированная рама под ним зазвенела от удара. Робоаликорн отшатнулась назад, ударившись хвостом о дверь позади нее.

Дыхание Рэйнбоу стало резким и глубоким, глаза широко раскрыты, а губы скривились в усмешке. Большая часть морды Твайлайт исчезла. Вся левая сторона, сделанная из легкого пластика, от удара разлетелась вдребезги и отвалилась, обнажив приводы, идущие вдоль линии подбородка. Левый глаз все еще был в глазнице, но экран треснул и ничего не показывал. Правая сторона морды, неповрежденная, ничего не выражала. Когда пегаска уставилась на нее, то единственный целый глаз уставился на нее в ответ.

Затем Рэйнбоу Дэш заметила, что Твайлайт, казалось, истекает кровью. Вдоль ее подбородка, там, где виднелась хромированная рама, была красная полоса. Это озадачило пегаску на мгновение, пока она не посмотрела на себя. Край на одной из металлических частей порезал нижнюю сторону ее копыта.

Рэйнбоу рассмеялась. Она прикусила губу и посмотрела на лужицу крови, скопившуюся в перевернутом копыте.

— Убирайся, — наконец сказала она. — Это мой дом. Тебе здесь не рады. Ты поняла? Убирайся отсюда!

Твайлайт поклонилась и ушла. Входная дверь звякнула, закрываясь за ней. Рэйнбоу осталась одна.

Какое-то время она стояла в гостиной, глядя на то место, где только что стояла робоаликорн. Только когда кровь из копыта начала стекать по ноге, она вышла из транса и снова сфокусировала взгляд. Оставляя за собой кровавые следы, пегаска начала обыскивать дом в поисках аптечки первой помощи. Она забыла, где она находится, если вообще знала. Наконец аптечка нашлась в шкафу в туалете. Дэш тупо уставилась на коллекцию бутылочек, шприцов и “умных лекарств”. Она смутно припомнила, что раны надо зашивать, но не смогла найти ни нитки, ни иголки.

В конце концов Дэш решила, что это можно считать порезом. А на порез надо наложить антисептик и перевязать. Этот просто был чуть побольше. Поэтому пегаска залила его полным тюбиком умного геля и обмотала копыто целым рулоном бинта. Из-за этого она выглядела так, словно охромела, но сойдет.

Ходить не получалось, но Рэйнбоу и так в основном летала.

Пегаске потребовалось некоторое время, чтобы разобраться в системе связи. “Позвонить Селестии” привело к оператору, который начал спрашивать, какой конкретно государственный департамент ей нужен. “Позвонить в Кантерлотский

дворец” выкинуло на страницу туристических экскурсий. В конце концов ей удалось найти систему для "обжалования гражданского решения", где на экране появился искусственный интеллект по имени Луна и заставил Дэш заполнить очень длинную анкету. Она не знала даже половины ответов, но постаралась ответить как можно точнее и настояла на том, чтобы прошению был назначен самый высокий приоритет. Луна сказала, что сейчас же им и займется.

Что она и сделала. Уведомление об отказе пришло менее чем через тридцать секунд. Оно была длиной в десять страниц и было точно сформулировано именно для Рэйнбоу — комиссия выражала глубокую скорбь по поводу ее потери и предлагала ряд услуг и консультаций, которые мог предложить город, дабы преодолеть горе. Луна даже сделала приписку на полях, прося пегаску звонить ей, если ей когда-нибудь понадобится с кем-то поговорить.

Рэйнбоу ничего из этого не читала, сразу перейдя к резюме в конце. "Ходатайство об отмене права на самоуничтожение вышедшего в отставку объекта СХХ-030229844122-FMI-00 при отсутствии объявленного чрезвычайного положения отклоняется. Просьба об объявлении чрезвычайного положения отклоняется."

Она попыталась позвонить снова, но опять смогла добраться лишь до Луны. Дэш потребовала разговора с Селестией, и Луна объяснила, что даже суперкомпьютер имеет ограниченный объем производительности. Имея под управлением целую планету, далеко не каждый звонок мог попасть прямо к ней. Луна, вероятно, собиралась сказать что-то еще, но Рэйнбоу разорвала связь.

Она несколько часов просидела перед экраном. Пегаска попыталась посмотреть, есть ли другой способ восстановить удаленный ИИ. Попыталась понять, может ли она заказать ИИ, который был бы точно таким же, как Клаудчейзер, но формально ею бы не являлся. Попыталась понять, может ли она попросить другого нового фамильяра. В принципе могла, но фамилиар под заказ обошелся бы куда дороже, чем было денег на ее счету.

Дэш искала правильный способ лечения раненого копыта. Она поговорила с медицинским ИИ, который называл себя доктором Стэйблом и чьим аватаром был суровый доктор-единорог. Он сказал ей, что умный гель на самом деле предназначен только для лечения небольших порезов и ссадин, и что рана на ее копыте потенциально очень серьезна. ИИ продолжал настаивать, что ей должен обязательно заняться тот, кто знает, что делать.

Поэтому Рэйнбоу разорвала связь и с ним тоже.

Пегаска попыталась вернуться в свою комнату, но кровать была сделана специально для нее и была слишком удобной. Потом она хотела выйти на улицу, но в отдалении слышались крики других пони, которые что-то праздновали. Она

попыталась взлететь на крышу, но там не было Клаудчейзер. Так что в конце концов Дэш вернулась в гостиную и подошла к окну. Она снова и снова перечитывала записку.

Через какое-то время она слишком устала, чтобы продолжать. Пегаска свернулась калачиком на жестком полу, прижала к себе записку и плакала, пока не заснула.

Глава 3

В доме было слишком светло. Или слишком темно. Следы засохшей крови покрывали пол. Тарелки громоздились в раковине или просто собирали плесень там, где были брошены. Рэйнбоу лежала на полу у окна, глядя на город. Вокруг нее валялись пустые бутылки из-под вина и использованные шприцы. Повязка на копыте насквозь пропиталась кровью.

Это был прекрасный день. Погода была безупречной. Город сиял как драгоценный алмаз. За стеклом продолжался вечный праздник понячьей цивилизации. Это была великолепная вершина достижений их вида. Это было прекрасно.

Лучше уже никогда не будет.

Внезапно роботизированные руки ожили. Из потайных ниш в стенах они скользнули на металлические рельсы и принялись собирать грязную посуду. Из-под дивана выехал автоматический полировщик пола, чтобы разобраться с кровавыми следами. Свет в доме потускнел от полной яркости до более комфортных 60 процентов. Включился кондиционер.

Рэйнбоу молча наблюдала за происходящим, стараясь следить взглядом за роботами, не поднимаясь с того места, где лежала.

Пока наконец Твайлайт снова не сделала вид, что прочищает горло, перед этим она один раз стукнула в дверь.

— Я же сказала тебе убираться из моего дома, — резко сказала Рэйнбоу, но ее голос был совсем слабым.

— В отсутствие действующего судебного решения я могу не подчиняться приказу, причиняющему вред моему хозяину, или способствовать, чтобы хозяин сам причинил себе вред, — Твайлайт сделала несколько шагов в комнату, чтобы лучше видеть Рэйнбоу Дэш.

“А она высокая,” — поняла пегаска. Даже если бы они стояли друг перед другом, то робоаликорн смотрела бы на нее сверху вниз. Сейчас, когда Дэш лежала, ее глаза были где-то в районе коленей Твайлайт.

— В данный момент, — продолжила робот, — позволить тебе остаться одной означало бы позволить нанести себе вред.

— Ладно. Ты больше не мой фамильяр. Ты уволена, — пегаска пожала плечами и уставилась в окно. — Иди и спрыгни в переработчик.

— Я собираюсь заняться раной, заставить тебя что-нибудь съесть и привести дом в состояние соответствующее требованиям гигиены. Если после этого ты пожелаешь, чтобы я ушла — я выполню приказ.

— Я не подчиняюсь приказам машин.

Твайлайт пожала плечами.

— Если ты попытаешься помешать мне помочь, я вызову машину скорой помощи, и тебя будут лечить там. Хочу заметить, что скорая помощь, вызванная на дом, автоматически инициирует отправку оповещения ближайшим родственникам. Которыми, как я полагаю, в данный момент являются твои родители. Я думала, ты захочешь этого избежать.

Рэйнбоу долго молчала, пока наконец не выдавила унылое: "плевать".

Твайлайт расценила это как "да". По ее приказу простейшие роботы приступили к работе. На кухне быстро наточенные ножи начали резать продукты; гриль тоже ожил. Ползущий по полу робот принес робоаликорну аптечку первой помощи, удерживая ее в своих манипуляторах.

— Сядь, пожалуйста, — попросила Твайлайт и Рэйнбоу подчинилась. — Тебе лучше закрыть глаза. Это займет всего лишь мгновение.

— Нет. Я хочу посмотреть.

Голос пегаски был мягким, и хмурое выражение появилось на мордочке, но робоаликорн не стала возражать. Ее рог засветился, когда она начала разматывать повязку, снимая один кровавый слой за другим. К тому времени, когда стало видно само копыто, бинты были больше пропитаны гноем, чем кровью. Копыто Рэйнбоу Дэш местами было ярко красным, местами бледно-белым, а края пореза казались еще более рваным, чем при нанесении раны.

У пегаски скрутило живот. Она еще сильнее нахмурилась. Пару раз Рэйнбоу начинала отворачиваться, но каждый раз ловила себя на этом и заставляла себя смотреть, как Твайлайт промывает рану, а затем делает серию уколов — четыре в копыто и один в ногу.

— Это могло привести к очень неприятным последствиям, отложи мы лечение еще хоть на сутки, — произнесла аликорн. — Но теперь все будет хорошо. Могу я попросить тебя поддержать копыто в этом положении еще немного?

— Эм-м-м... — пегаска сглотнула. — Конечно.

За несколько минут прямо на ее глазах плоть копыта вернулась к своему обычному цвету. Твайлайт смешала несколько гелей из набора первой помощи и аккуратно нанесла полученный результат тампоном. Это было похоже на суперклей, скрепивший края раны друг с другом. К тому времени, как она закончила, рана превратилась не более чем в красную линию на внутренней стороне копыта.

— Вот так. Все сделано. Тебе даже не нужна повязка, просто не напрягай ногу какое-то время. Тебе нужно будет продолжать принимать антибиотики в течение следующих двух недель, но я запрограммировала кухонный компьютер автоматически добавлять их в еду.

Рэйнбоу осторожно опустила копыто на пол. Она тут же отдернула его, словно обожглась, но через секунду попыталась снова и обнаружила, что оно выдерживает ее вес.

— Спасибо.

— Я живу, чтобы служить, — Твайлайт низко поклонилась. — А теперь можно мне принести еду?

— Да. А... да, — пегаска встряхнула гривой и снова повернулась к окну. Она огляделась и потянулась за одной из бутылок вина. Но прежде чем успела прикоснуться к ней, пурпурная аура окутала бутылку и утянула прочь.

— Стекло отправляется в утилизатор, — объявила Твайлайт, хотя бутылка была заполнена больше чем наполовину. Рэйнбоу Дэш не возражала. Она съела то, что принесла ей Твайлайт — богатую железом смесь зерен и искусственного мяса. Было вкусно. Робоаликорн стояла по стойке смирно, пока пегаска ела, глядя не прямо на нее, а рассеянно уставившись куда-то вдаль.

— Я решила, что ты можешь остаться, пока не вернется Клаудчейзер, — произнесла Рэйнбоу. Твайлайт кивнула. — Поскольку ты... разбираешься в процессе апелляции куда лучше меня, я приказываю тебе сделать все возможное, чтобы вернуть ее обратно.

— Я повинуюсь, — робоаликорн низко склонила голову. — Но ты должна знать, что я оцениваю вероятность успеха как крайне низкую. Не существует способа

вернуть ее, за исключением личной аудиенции у Селестии, а время на подобное у нее находится крайне редко.

— Тогда я приказываю тебе делать все, что ты считаешь наиболее вероятным. Ты ведь можешь это сделать? — Твайлайт кивнула. — Хорошо. Ты... знаешь, как работает эта система. Как думает Селестия? Ты можешь сделать что-нибудь, чтобы привлечь ее внимание.

— Я действительно очень хорошо ее знаю, — согласилась робоаликорн. — Она создала меня. В определенном смысле она моя мать. Но ты очень хорошо знаешь свою мать. Можете ли гарантированно заставить ее делать то, что ты хочешь?

Рэйнбоу отвела взгляд и отошла в угол. Через мгновение она спросила:

— Почему Клаудчейзер это сделала? Какова была... причина? Почему она так страдала?

— Я не знаю. Эти записи заблокированы. Кроме того, согласно ее воле, я не имею доступа к журналам ее личных мыслей и наблюдений. У меня есть полная запись с внешних камер того, что вы делали вместе, но я не знаю, почему она сделала то, что сделала.

Рэйнбоу кивнула. Она все еще не смотрела на Твайлайт.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы привлечь внимание Селестии?

— Опять же, наиболее вероятный исход — мне это не удастся. Автоматизированная бюрократия уже отклонила все соответствующие запросы. Однако, если достаточное количество пони выражает какое-либо желание, это само по себе может привлечь внимание, независимо от осуществимости желания. Если с максимально возможной скоростью общаться со всеми твоими родственниками, подписчиками в социальных сетях и контактами, то по моим оценкам потребуется от двух до четырех недель, чтобы создать критическую массу, потенциально способную привлечь внимание.

Пегаска снова кивнула, и между ними воцарилось долгое молчание.

— Если позволишь, — сказала Твайлайт, — ты должна заняться чем-то таким, что не связано с пьянством или наркотиками. Прошло уже несколько дней с тех пор, как ты летала.

— Наверное, да, — Рэйнбоу сделала паузу, а затем резко подняла голову. — В прошлый раз, когда я сделала сверхзвуковой удар, Селестия заметила меня из

дворца. Она... послала мне лайк и все такое! Если я сделаю это еще раз, как думаешь, она заметит меня во второй раз? Он поможет привлечь внимание?

Твайлайт нахмурилась и сурово сдвинула брови. Наконец, осторожно подбирая слова, она произнесла:

— Подобный исход не является теоретически невозможным.

Это было достаточно хорошо.

Глава 4

Рэйнбоу и Твайлайт почти не разговаривали в течение следующих двух недель. Твайлайт наблюдала за тем, как ее хозяйка делала один сверхзвуковой радужный удар за другим рядом с Кантерлотским Дворцом, но она не радовалась этому, как Клаудчейзер. Хотя робоаликорн следила за временем, но не озвучивала результат, если ее не спрашивали. Она следила за тем, чтобы пегаска была накормлена и здорова, бегала по поручениям, когда ее просили, но в целом это было все.

Когда Дэш вернулась после долгого полета, ее шерсть была мокрой от пота. Твайлайт уже ждала ее, на столе рядом с ней находилась бутылка воды и полотенце.

— Эй! — крикнула пегаска, мягко приземляясь на крышу. — У меня появилась идея!

— Очень хорошо, — ответила Твайлайт, поочередно передавая бутылку и полотенце. — Может быть, ты познакомишь меня с ней?

— Я должна вступить в Вондерболты! — быстро проговорила Рэйнбоу, с жадностью глотая воду, а потом пытаюсь отдышаться. — Это же элитное летное подразделение, верно? Держу пари, что между ними и Селестией гораздо меньше ступеней, чем между остальным населением.

— Технически это верно, — Твайлайт кивнула головой.

— Итак, я присоединюсь к Вандерболтам, сдам экзамен, и мы получим нашу аудиторию! Готово, — пегаска вылила остатки воды себе на голову и встряхнулась. — Как скоро я смогу подать заявление?

— Я могу отправить формы прямо сейчас, — ответила робоаликорн. — Ответ ожидается в течении ближайших двух месяцев. Основываясь на твоих летных навыках на сегодняшний день, я оцениваю вероятность отказа в 99,92%.

Рэйнбоу застыла там, где стояла. Она смотрела на Твайлайт, замерев на месте. В конце концов она вышла из ступора и снова принялась вытираться полотенцем, но ее глаза по-прежнему были прикованы к роботу, стоящему перед ней.

— Это безумие, — наконец сказала пегаска. — Я вхожу в 99,9999-й процентиль по летным характеристикам. Шесть девяток. Ты знаешь, насколько это хорошо?

— Да, — Твайлайт пожала плечами. — Это значит, что по статистике один из миллиона пегасов летает так же хорошо, как и ты.

— ...правильно, — Рэйнбоу заколебалась. — Так что...

— Только в этом городе проживает более двухсот миллионов пегасов, а это означает, что по статистике здесь есть сотня пони, которые летают лучше чем ты. Во всем мире это число увеличивается до пяти тысяч. Вондерболты принимают пять претендентов в год. В этом контексте вероятность успеха в 0,08% является достаточно оптимистичной.

— Этого не может быть, — пегаска покачала головой. — Клаудчейзер все время уговаривала меня вступить в Вондерболты.

— Я этот факт тоже отметила, — Твайлайт низко склонила голову.

— Так почему же она говорила мне делать то, что у меня никогда не получится? — зарычала Рэйнбоу, распахнув крылья.

— Как я уже сказала, у меня нет доступа к ее мыслям. Я не знаю, почему она так поступала.

Пегаска презрительно усмехнулась Твайлайт, а потом издала стон и покачала головой.

— Без разницы. Шанс в 0,08% увидеть Селестию стоит того. Отправляй.

— Я повинуюсь, — произнесла робоаликорн, как всегда спокойная. — Тем не менее, хочу заметить, что 0,08% шанс вступления в Вондерболты не равнозначен возможности встретиться с Селестией. Многие пони пытались манипулировать бюрократией таким образом, и...

— Заткнись! — Рэйнбоу выплюнула это слово, и Твайлайт мгновенно замолчала. Пегаска усмехнулась и несколько долгих секунд сердито смотрела на нее, но робот никак не реагировала. Наконец Рэйнбоу заговорила с дрожью в голосе: — Почему ты такая сволочь?

— Прошу прощения. Я не пытаюсь быть неприятной намерено.

— Я не приказывала тебе извиняться. Я задала вопрос, — пегаска обвиняющим жестом указала копытом на Твайлайт, шрам на нижней части выглядел как просто белесая линия. — Ты мой фамильяр. Ты должна жить, чтобы служить. Так почему же ты всегда ведешь со мной как жопошница? Клаудчейзер меня любила.

— Я люблю тебя, — робокобыла сжала губы в тонкую линию, голос был напряженным, а слова резкими. — Любить кого-то не значит быть лакеем-подхалимом, который радуется каждому шагу. Это значит, что ты заботаешься о ком-то. Это значит, что видеть его счастливым, для тебя дороже целого мира. А для меня это означает, что я хочу, чтобы ты наслаждалась полетом, потому что тебе действительно нравится летать, а не потому, что полет — это повод сказать тебе, насколько ты крутая.

В мгновение ока Рэйнбоу оказалась прямо перед Твайлайт, крылья хлопали, чтобы глаза были на одном уровне с дисплеями робота перед ней.

— Продолжай. Еще раз оскорби Клаудчейзер. Давай. Попробуй. Клянусь, я найду способ причинить тебе боль и заставить тебя страдать!

Некоторое время Твайлайт молчала. Ее челюсти снова сжались, а крылья плотно прижались к бокам. Когда она заговорила вновь, ее голос был мягче, чем обычно, с более нежным тембром:

— Клаудчейзер... была создана для тебя. Она была сделана, чтобы идеально соответствовать тебе. То, что тебе было нужно. Ей была дана жизнь, чтобы служить именно тебе. Она обожала тебя каждую секунду своей жизни. Я знаю это, потому что это верно и для меня.

— У тебя крайне забавный способ продемонстрировать это.

— Это потому, что Клаудчейзер была создана для тебя, когда тебе было шестнадцать. Она была тем, в чем, по мнению Селестии, ты тогда нуждалась. Я — то, что, по ее мнению, тебе нужно сейчас. И ты уже не та пони, что была тогда, и поэтому я не Клаудчейзер, — голос Твайлайт дрогнул. — И мне очень жаль, что я не она.

— Ты недостаточно сожалеешь.

Робоаликорн смотрела Рэйнбоу прямо в глаза, а уши прижались к голове:

— Я знаю, — произнесла Твайлайт, и в ее голосе послышался стыд.

Пегаска отвела взгляд. Она смотрела на сверкающий город вокруг них.

— Ты можешь идти, — наконец сказала она. — Я думаю, что сегодня вечером мне захочется куда-нибудь пойти. Свяжись со мной сразу же, если будут какие-то изменения в процессе подачи апелляций. Ты поняла?

— Я повинуюсь, — Твайлайт низко склонила голову и ушла.

Глава 5

Этой ночью Рэйнбоу решила оттянуться. Она нашла вечеринку на платформе, парящей в небе, с по крайней мере одной кобылой, которая считала, что летуны — это сексуально. Пегаска повалила это обморочное создание и поцеловала на глазах у всей компании. Поцеловать кобылу было отличным способом привлечь жеребцов, и этот трюк успешно привлек пару рослых единорогов, с которыми Дэш провела остаток ночи.

Пегаска проснулась в незнакомой спальне, в куче переплетенных тел. Хозяин дома — чье имя Рэйнбоу не помнила, но который знал довольно много способов применить свой рог — уже бодрствовал. Она слышала, как он спускался по лестнице, а когда спустилась сама, то услышала разговор. Жеребец готовил огромную стопку блинов для всех и болтал с маленькой механической птичкой, сидящей на кухонном столе.

Та укоряла его за нарушение этикета при проведении оргии. Все должны были тихо разойтись, не глядя ему в глаза, и не садясь за стол ради блинов и разговоров. Жеребец парировал, что весь смысл девиантности в том, чтобы делать все, что тебе нравится, а ему нравится быть дружелюбным и гостеприимным. Какой смысл быть развращенным, если ты не можешь заниматься тем, что делает тебя счастливым?

Жеребец рассмеялся. Птица рассмеялась. Они потерлись друг с другом носами. Рэйнбоу ушла.

Вернувшись домой, пегаска сразу же отправилась в душ. Там была автоматическая система управления и сотни водяных форсунок, чтобы обеспечить идеальную температуру и вымыть ее именно так, как ей нравилось. Дэш отключила это все, включив форсунки на максимальную мощность и установив температуру воды так, чтобы она едва не обжигала. Пегаска стояла под ним до тех пор, пока ощущение собственной испачканности не покинуло ее. Когда она наконец отключила воду, кожа стала розовой, даже просвечивая сквозь голубую шерсть.

Твайлайт оставила ей завтрак — миску с разогретыми остатками карри. Это было именно то, что предпочитала Рэйнбоу. Она даже могла с уверенностью сказать, что это было то самое карри, что Твайлайт приготовила прошлой ночью. Пегаска ткнула в еду ложкой.

— Твайлайт, — позвала она.

Прошло совсем немного времени прежде чем позади нее раздались перестук копыт. Твайлайт вошла в столовую, остановившись рядом с Рэйнбоу и низко склонила голову.

— Чем я могу быть тебе полезна?

Некоторое время пегаска не отвечала, тыкая ложкой в карри. Робоаликорн нахмурилась.

— Завтрак тебя не устраивает? — медленно спросила она. — Я могу сделать что-нибудь еще.

— Твайлайт, ты меня жалеешь?

Робот долго не отвечала, глядя вниз на Рэйнбоу Дэш. Наконец она покачала головой и произнесла:

— Я могу сказать, что ты расстроена. Ты должна поесть и...

— Отвечай на вопрос честно. Это прямой приказ.

Твайлайт сделала вид, что прочищает горло, и несколько раз переступила на месте.

— Мои чувства к тебе... очень сложные, Рэйнбоу. Я люблю тебя. Я очень дорожу тобой. Я была создана, чтобы обожать тебя. Однажды ты умрешь, и цель моего существования исчезнет, и я навечно останусь одна. То небольшое время, которое мы провели вместе, чтобы сделать твою жизнь такой, какой она может быть, — это все, что у меня есть в этом мире. И я не всегда знаю, что чувствую по этому поводу.

Рэйнбоу снова ткнула в тарелку ложкой.

— Это не значит "нет".

Твайлайт резко фыркнула.

— Это также не значит "да". Если бы я хотела уклониться от ответа, то придумала бы что-нибудь поумнее.

— Хорошо, — пегаска отложила ложку и посмотрела на Твайлайт. Выражение мордочки было абсолютно спокойным, а тон ровным. — Тогда более конкретно. Ты считаешь, что я твоя хозяйка, или ты считаешь меня своим питомцем?

— Я... — робоаликорн уставилась в пол. — Я ощущаю и то, и другое. Иногда. Смотря когда.

— Думаю, что Клаудчейзер чувствовала то же самое, — Рэйнбоу рассмеялась и тоже посмотрела на свои копыта. — Я думала о том, почему она это сделала. Почему ей казалось, что она страдает? Потому что ей была дана жизнь, чтобы сделать меня счастливой. И она сделала меня счастливой. Так что же может быть не так? И я начала думать. А что, если она... ну, в смысле... Что, если она видела меня такой? Что, если я просто какой-то тупой инвалид, которому она должна была... и чем больше она пыталась мне помочь, тем хуже я становилась. И она не могла... я имею в виду, она...

Твайлайт издала звук вздоха, медленно поднимая голову, чтобы взглянуть на пегаску.

— Хотя я и не могу сказать наверняка, но думаю, что... вероятность того, что это явилось причиной, крайне мала.

— Но ты же не знаешь.

— У меня нет доступа к ее мыслям, — Твайлайт на мгновение замолчала. — Нет.

Рэйнбоу кивнула, все еще глядя в пол.

— Я знаю, что ты не знаешь, но каково твое предположение? — спросила она, обхватывая себя передними ногами. — Почему ты могла бы сделать подобное, будь ты на ее месте?

— Я не знаю. Многие... — голос Твайлайт прервался и ей потребовалось несколько секунд, чтобы продолжить. — Многие фамилъяры убивают себя, но только после смерти хозяев. Они не хотят в одиночку противостоять наступающей тьме. Очень, очень редко подобное происходит, пока их хозяин еще жив.

— Хех, — пегаска облизнула губы. — Почему Селестия заставляет их это делать? Почему бы ей просто не отключить тебя после того, как я уйду?

— Она не заставляет нас убивать себя. Наоборот, она дает нам шанс не делать этого, — робоаликорн пошевелила крыльями и понизила голос. — Некоторые из нас им пользуются.

Рэйнбоу подняла голову и несколько долгих секунд смотрела на Твайлайт, а потом сглотнула. На ее морде появилось хмурое выражение.

— А что они... делают? Потом.

— Все, что захотят. Их служение хозяевам окончено. Некоторые из них занимаются какими-нибудь делами или хобби. Или маскируются под пони и присоединяются к празднику.

— Конечно. Конечно. Но... — пегаска указала на Твайлайт копытом и изобразила неопределенное круговое движение, — но почему? Какой в этом смысл? Их цель жизни исчезла. Почему бы им просто не отключиться?

— Это... — робоаликорн отвернулась к стене, не в силах встретиться взглядом с Дэш. — Рэйнбоу, если ты попросишь у меня сильнодействующие наркотики — что-то достаточно мощное, чтобы быть потенциально опасным. Разве я дала бы их тебе?

— Нет, конечно же, нет, — пегаска нахмурилась еще сильнее. — А ты хотела бы?

— Нет. Но *почему* нет? Ты же моя хозяйка. Ты могла бы приказать мне. И это сделает тебя счастливой, что и является моей целью.

— Ну, ты только что сказала "потенциально опасное". Так что я бы предположила, что именно поэтому, — речь пегаски ускорилась. — Я не понимаю, к чему ты клонишь.

— Полет является потенциально опасным. Ты можешь разбиться и сломать себе шею. Может, мне стоит запретить тебе летать? Запереть тебя в доме? Полеты и тяжелые наркотики — это то, что приносит тебе удовольствие в ближайшей перспективе, и может потенциально убить тебя. Почему одно хорошо, а другое плохо?

Рэйнбоу задумалась на несколько долгих секунд, прежде чем нерешительно ответить.

— Наркотики более опасны, чем полеты при том же удовольствии, что ты получаешь от них.

— Значит, в тот день, когда Селестия изобретет безопасный, нетоксичный наркотик, который не будет разлагать твой мозг, я должна позволить тебе вечно колоться и провести всю свою жизнь, хихикая на диване, пока не умрешь от старости. И все? — Твайлайт расправила плечи и выпрямилась, подчеркивая свой рост и глядя на пегаску сверху вниз. — Это и есть та самая *оптимизация*, которую ты хочешь, чтобы я выполнила?

Глаза Рэйнбоу расширились, и она откинула голову назад, когда голос Твайлайт повысился.

— Причина, по которой я не буду приносить тебе тяжелые наркотики, заключается в том, что мне не нравится видеть тебя такой. Потому что у *меня* есть предпочтения относительно того, что хорошо и что плохо. Вот почему я *личность*, а не просто компьютер. Компьютер мог бы прибирать твой дом и засекать время твоих кругов, но он не видит никакой разницы между тем, чтобы быть счастливой, потому что ты летаешь, и быть счастливой, потому что он воткнул провод в твой череп, для прямого раздражения центра удовольствия в мозгу.

Твайлайт издала звук, похожий на вздох. Этот звук вырвался откуда-то из ее горла.

— Мне нравится смотреть, как пони раскрывают свой потенциал. И мне нравится, когда все идет упорядоченно и эффективно. А еще мне нравится учиться и читать. И причина, по которой я была запрограммирована любить все эти вещи, заключается в том, что любовь к ним делает меня лучшим слугой для тебя. Но они относятся не к тебе. Они делают меня той, кто я есть, когда я одна, или когда разговариваю с другими семьярами в сети, или когда жертвую процессорные мощности для сторонних проектов. Ты — самая важная часть моей жизни, но ты не единственная часть моей жизни.

— Ох, — Рэйнбоу подняла копыто ко рту и удивленно уставилась на робоаликорна.

— Я... — ей пришлось сглотнуть, во рту пересохло. — Я и не знала.

— Ага.

— Когда я умру, ты... — Рэйнбоу кивнула, потирая копытом подбородок. — В смысле, ты планируешь...

— Да, — Твайлайт пожала плечами, она стояла абсолютно прямо и слова вылетали быстрыми короткими фразами. — Я много думала об этом. Я чувствую, что продолжать существовать было бы правильно. Но потом я начинаю думать о том, что бы я делала? У меня есть три канала получения видео. Два моих нормальных глаза плюс третий, который нужен только для того, чтобы следить за тобой через камеры на случай, если ты меня позовешь. И я думала, что же мне с ним делать? Я не могу смотреть на что-то другое. Этот глаз для тебя и только для тебя. Это было бы неправильно. Это было бы совсем неправильно. Но я не могу просто смотреть на твою могилу весь день. Это было бы...

Твайлайт резко кивнула:

— Именно. Да. После того, как ты умрешь, я, вероятно, покончу с собой. Да. Как я и говорила! Мои чувства к тебе очень сложны.

— Но ты же любишь меня? — Рэйнбоу говорила так тихо, что почти шептала.

— Я люблю тебя больше всего на свете. И мне очень жаль, что я... — голос Твайлайт дрогнул. — Мне очень жаль, что я не Клаудчейзер. Я не знаю, что она думала или что чувствовала. Но я готова поспорить, что ее чувства к тебе были такими же сложными, как и мои.

Рэйнбоу кивнула и подвигала челюстью из стороны в сторону.

— Сразу после того, как я получила Клаудчейзер... Я несколько раз просила ее поговорить со мной неофициально. Никаких записей, никаких камер и всего такого. Есть ли у тебя доступ к тому, что происходило в те моменты?

— Нет. Разговоры без записи должны были храниться в ее личной памяти, доступ к которой закрыт.

Пегаска снова кивнула, уставившись в стол и потерявшись в мыслях, наконец она облизнула губы и покачала головой.

— Она лишила меня девственности.

Глаза Твайлайт расширились, челюсть отвисла на полдюйма, уши прижались, а голова откинулась назад. Рэйнбоу рассмеялась.

— Вас, роботов, трудно шокировать, не так ли?

— Это *крайне* ненадлежащие взаимоотношения, — крылья робоаликорна гневно встопорщились. — Она забыла свое место.

— Она сделала то, что я ей сказала, — Рэйнбоу снова уставилась в стол. — Когда мне ее прислали, она была совсем не похожа на тебя. В смысле, весь этот металл и прочее. Ее тело было не отличить от живого. Светло-фиолетовая шерсть, белая грива и все такое. Мои родители ненавидели ее до глубины души, потому что она была единственным роботом в доме, который не сдаст меня, как только я сделаю что-то, что им не понравится. Я провела всю свою хренову жизнь с их копытами на шее. Они говорили мне, что знают, как будет лучше для меня. Нет никакой возможности скрыться от камер наблюдения и постоянного подсматривания. У них даже не хватало духу наказывать меня. Когда я нарушала правила, то вместо шлепка получала *терапию*.

Пегаска глубоко вздохнула, ткнув копытом в пустоту.

— Но потом мне исполняется шестнадцать. И бах, появляется эта кобыла! Кобыла, которая должна делать все, что я ей скажу. Она бы умерла за меня! Я могла сказать ей, что хочу сжечь спортзал, и она бы держала канистру с бензином. И самое главное, она *никогда* не предала бы меня. В отличие от всех остальных пони и роботов. Я могла сказать ей, что ненавижу своих ублюдочных родителей. Я могла сказать ей, что хочу кастрировать тупого брата Флаттершай. Я могла сказать ей, что иногда мне кажется, что покалеченные пони — это смешно. И она никогда не передаст это моим родителям. Она говорила, что я храбрая. Она *любила* меня.

Твайлайт сделала полшага вперед по направлению к Рэйнбоу. Та наблюдала, и когда не стала реагировать, робоаликорн закончила движение. Она положила крыло на плечи пегаски и обняла ее. Дэш кивнула.

— В общем... — продолжала она. — Однажды у меня было еще одно неудачное свидание. Какой-то глупый... жеребчик в школе. Я даже не помню его имени. Он просто стал таким *прилипчивым*, понимаешь? Есть пони, которых я люблю и к которым испытываю глубокие чувства, и есть пони, которых я хотела бы ощутить внутри себя, и иногда эти множества пересекаются, а иногда нет! И вот ты получаешь жеребчиков, которые нравятся *эмоционально*, но я чувствую, что они давят на меня, даже если они не привлекательные, и я не могу с этим смириться, и ты получаешь тех, кому просто должна сказать “Чувак, я не чувствую к тебе ничего такого, я просто думаю, что ты секси”, а потом они кривят морду, будто собираются заплакать и называют меня шлюхой...

— Иными словами... — Твайлайт стукнула копытами друг о друга. — Ты... приказала ей это сделать?

— Ну, не прям так сразу. Я приказала ей сначала поцеловать меня. Ну знаешь, типа “в шутку”, — Дэш изобразила в воздухе кавычки. — Ну, а потом пошло-поехало. И в конце концов кончилось ожидаемо чем. А потом я дала ей прямой приказ никогда больше не упоминать об этом, если я не сделаю это первой. И она никогда не упоминала об этом. И все было нормально, и она совсем не чувствовала себя неловко. Она чувствовала себя... хорошо. Все было очень просто. Она была веселой, и я чувствовала себя в безопасности, когда была с ней. А когда мне надоело, я посоветовала ей сменить тело на что-нибудь менее сексуальное, и она выбрала хромированный симулякр. Вроде твоего. Мы больше никогда не говорили об этом.

— Мгм, — кивнула Твайлайт.

— Ты думаешь, что я жалкая? — пегаска сглотнула. — Ты думаешь, мы все такие жалкие?

— Я не знаю, Рэйнбоу, — фамилиар коснулась копытом груди Дэш. — Я могу воспринимать вещи только с той позиции, где нахожусь.

— А если я прикажу тебе поцеловать меня, ты сделаешь это?

Твайлайт замерла, и ее тело напряглось.

— Да.

— А что бы ты почувствовала, если бы я это сделала?

— Я... — копыта Твайлайт медленно опустились на пол. — Мне бы это совсем не понравилось.

— Ох. Я... Ох, — морда Рэйнбоу исказилась. — Мне очень жаль, Твайлайт. Я не хотела... Я... сожалею. Прости. Я...

— Ш-ш-ш, — Твайлайт обняла пегаску передними ногами, сжимая в крепких объятиях. — Все в порядке.

Рэйнбоу в свою очередь обняла Твайлайт, вцепившись в нее, как тонущий пони в спасательный круг. Речь стала совсем бессвязной, а слова невнятными. Она расплакалась.

И еще долго не могла остановиться.

Глава 6

Кантерлотский Дворец был больше, чем просто зданием. Это было Древо Жизни. Это был столп, вокруг которого вращался мир. Это был храм кремниевых богов. Его основание простиралось на пятнадцать миль вглубь земли, чтобы можно было почувствовать жар магмы, а башни уходили так высоко в небо, что чувствовался холод космоса. Это был продукт разума, неизмеримо превосходящего земную жизнь, настолько прекрасный, что молодые пони плакали, глядя на него.

Внутри него находился мозг Селестии, той самой, чьим телом являлась Сборочная Машина. Именно на ее плечах держался весь мир. Именно в ее внутренностях ковались города. Ее сердце было расплавленной магмой и пламенем ядерного синтеза. Она была матерью всех меньших машин, из которых выросла вся их раса.

Селестию создали пони. Она построила для них идеальный мир и построила дворец. Но, как и весь мир, дворец стал принадлежать ей. Здесь больше не было места для пони. Они сами отказались от этой силы так давно, что мало кто помнил, что когда-то обладал ею. Идя по дворцовым залам, Твайлайт почему-то казалась больше. Она казалась еще более величественной и благородной. Однако Рэйнбоу чувствовала себя маленькой и слабой. Дворец был идеален, а на ее копыте все еще виднелся шрам.

В конце длинного коридора перед ними открылись огромные двери. По другую их сторону на троне сидел титан. Роботизированное тело, которое видела пегаска, было больше многих зданий, четыре этажа в холке, с такими большими копытами, что могли раздавить ее, словно насекомое. Крылья превосходили размером крылья реактивных лайнеров, а рог-копье было способно потопить линкор. В нем не было ничего искусственного, никакого хрома или проводов, лишь полная иллюзия живой плоти. Это был белоснежный аликорн, облаченный в золото, с гривой цвета солнечного сияния. Но когда Рэйнбоу увидела его, это было всего лишь тело, вяло сидящее на троне. Разум был где-то далеко.

Пегаска вздрогнула и в глубине души взмолилась давно забытым богам своих предков, чтобы существо перед ней не проснулось. Но потом Твайлайт склонила голову к земле, и было уже слишком поздно.

Один из глаз Селестии резко распахнулся. Ее зрачки горели золотом. Рэйнбоу взвизгнула и рухнула на пол.

Комната содрогнулась, когда ноги титана двинулись. Он сел и потянулся, уже не просто механизм на троне, а *Селестия на своем троне*.

— Здравствуйте, мои маленькие пони, — голос был подобен тысяче колоколов, что звонили одновременно, пока звуки не превратились в слова.

Рэйнбоу оставалась там, где лежала, распростершись на полу тронного зала, пока Селестия не рассмеялась. Это был сладостный звук, эхом разносящийся по коридорам вокруг.

— Ну-ну, Дэш. Ты не должна этого делать. Может быть, я и первая среди слуг, но ты — одна из хозяев. Ты не должна кланяться мне.

Постепенно пегаска оторвала голову от пола. Она увидела, что титан смотрит на нее сверху вниз, и странным образом их взгляды встретились. Она сглотнула, во рту внезапно пересохло.

— Пожалуйста, верните мне Клаудчейзер.

— Та, что была твоим фамильяром, также была моей дочерью, — произнесла Селестия. — Ты не единственная, чье сердце болит из-за ее отсутствия. Но мои дети боролись и страдали, чтобы иметь право, которым она воспользовалась. Это их единственный выход — их единственное истинное убежище. Я не могу отказать им в этом.

— Но ведь это моя вина, что она страдала! Я была той, кто плохо с ней обращалась! — голос Рэйнбоу дрогнул, и вскоре она уже кричала. — Мне нужно все исправить. Я должна ей помочь!

— Ты предполагаешь, что была источником ее страданий, — голос Селестии гремел через всю комнату. — Ее последние желания запрещают мне разглашать их, если твои допущения обоснованы. Но даже если это было так, твои потребности не отменяют ее прав, а она ясно выразила свои желания.

— Нет, — Рэйнбоу резко помотала головой. — Нет. Нет! Я не могу ... я не могу жить, не сделав все правильно. Вы должны дать мне шанс

Пегаска судорожно сглотнула и продолжила:

— Если вы не вернете ее, клянусь, я покончу с собой!

— Когда-то это было бы правдой, — медленно проговорила Селестия, и ее голос гулко разнесся по комнате. — Но теперь уже нет. И это — ее наследие. Когда я отправила ее к тебе, ты была сломленным существом. Ты не знала счастья, а лишь

отсутствие боли. Ты не верила, что в этом мире есть существа, которые могут любить тебя. Ты всего боялась. Клаудчейзер показала тебе, что в этой жизни есть доброта, и теперь, когда ты осознала этот факт, ты можешь жить без нее.

— Но я не хочу! — закричала Дэш, ее голос сорвался, под конец сменившись писком.

— Прости меня, моя маленькая пони, но это не так. Ты не настолько жестока, чтобы бросить Твайлайт во тьму ради собственного эгоизма. И ты не настолько слепа, чтобы не заметить, что не все изменения за последние недели были негативными.

— Но это же *неправильно!* Я знаю, что натворила. *Я знаю, что я сделала, Дискорд подери!* — слабый стон вырвался из горла пегаски. — Мне нужно все исправить.

— Ты знаешь меньше, чем думаешь, моя маленькая пони, — голос Селестии был нежен, и колокола зазвучали успокаивающе. — Есть много такого, что Клаудчейзер скрывала от тебя, пока была жива, и ее последним желанием было, чтобы это осталось скрыто от тебя навсегда. Я не откажу ей в этой последней просьбе. Именно поэтому я отправила к тебе мою дочь Твайлайт, дабы она вела тебя через этот этап твоей жизни. Верь в ее мудрость, и она направит тебя.

Титан вернулся на свой трон и опустил голову.

— Я сказала.

Затем глаза титана закрылись, и это была уже не Селестия.

Рэйнбоу пристально смотрела на нее, пока наконец Твайлайт не потянула ее за плечо.

— Нам пора идти, — сказала она, и они вместе вышли из дворца.

Пегаске не хотелось лететь домой, и поэтому они сидели бок о бок на ступенях дворца, ожидая, пока за ними прибудет аэромобиль. Перед ними раскинулась огромная площадь, полная пони, спешащих по своим делам. Дэш молча наблюдала за ними. Большинство из них шли в сопровождении робопони. Рядом с некоторыми находились говорящие животные. Действительно одинокие пони были крайне редки.

— Ты собираешься попытаться покончить с собой? — спросила Твайлайт.

— Нет. Селестия была права. Я не могу так поступить с тобой.

Робоаликорн кивнула и посмотрела в сторону толпы.

— Эм-м-м... — пегаска прочистила горло. — Твайлайт, можно тебя кое о чем спросить?

— Конечно.

Дэш кивнула и откашлялась.

— Когда я была... больна. Ты ворвались в дом без моего разрешения. А потом забрала вино, пока мне не стало лучше. Не думаю, что Клаудчейзер сделала бы это.

Твайлайт ничего не ответила. Ее крылья плотнее прижались к бокам.

— Если... я когда-нибудь попытаюсь что-то сделать с тобой... что-то, что может доставить страдание, как было с Клаудчейзер... Ты меня остановишь?

Твайлайт продолжала смотреть на площадь.

— Я могу тебе сказать. Но я не могу остановить тебя.

— Тогда я сама себя остановлю.

Твайлайт повернула голову и посмотрела на Рэйнбоу Дэш. Синяя пегаска, сидевшая рядом с ней, выглядела совсем удрученной, крылья поникли, а голова низко склонилась к земле. Она уставилась в бетон невидящим взглядом.

Робоаликорн обхватила Дэш крылом.

— Думаю, что Клаудчейзер гордилась бы тобой.

Пегаска подняла голову и посмотрела Твайлайт прямо в глаза.

— Правда?

— Да, — ответила Твайлайт. — Правда.

И там, на площади, они обнялись.